

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.5>

Зяц Михаил Сергеевич

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО КАК ТЕЗА И АНТИТЕЗА ХРИСТИАНСКОЙ СОТЕРИОЛОГИИ

В статье прослеживаются религиозно-философские искания Иннокентия Анненского, поэта порубежной эпохи конца XIX - начала XX в.; рассматривается эволюция творческого пути поэта, который характеризуется антиномиями отрицания и утверждения, к истинам христианской сотериологии и эсхатологии; показаны этапы поэтического пути, где идеи смерти и бессмертия перекликаются в едином векторе движения; выявлен контекст общего духовного настроения эпохи переходного периода, в котором преобладало тяготение к справедливости и к Прекрасному как эстетической категории, способствующей возрождению и освобождению человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 22-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

черты творческой индивидуальности авторов и социально-философский, психологический контекст романов. Итоги статьи открывают теоретические перспективы для литературоведения XXI века. В прикладном аспекте целесообразны работы, учитывающие выводы данной статьи при составлении антологий по литературе России и стран АТР, чтении онлайн-лекций, разработке мультимедийных проектов.

Список источников

1. **Апокалиптическая фантастика.** Предисловие Майка Эшли [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/sf-postapocalyptic/374957-mayk-eshli-apokalipticheskaya-fantastika.html> (дата обращения: 26.08.2019).
2. **Барашкова С. Н.** Литература стран АТР. Якутск: Издательский дом ЯГУ, 2009. 144 с.
3. **Геласимов А.** Полюбите жизнь, и она полюбит вас в ответ // Якутск вечерний. 2015. 10 апреля.
4. **Геласимов А.** Холод: роман в трех действиях с антрактами. М.: Эксмо, 2015. 352 с.
5. **Гордиев узел. Современная японская научная фантастика:** сборник. М.: Мир, 1967. 288 с.
6. **Желобцова С. Ф.** Якутия в романе Андрея Геласимова «Холод» [Электронный ресурс]. URL: <http://youtu.be//vFoZiPaUv2E> (дата обращения: 26.08.2019).
7. **Желобцова С. Ф., Желобцов Ф. Ф.** Textoобразующая роль якутских топонимов в романе «Холод» Андрея Геласимова [Электронный ресурс] // Единство многообразия. Литература Якутии в контексте диалога культур. URL: <http://www/sakha.gov.ru/node/112273> (дата обращения: 26.08.2019).
8. **Комацу С.** Гибель дракона. М.: Мир, 1978. 600 с.
9. **Эдельштейн М.** Рец. на кн.: Геласимов А. Рахиль: роман с клеймами. М.: Яуза; Эксмо, 2004. 320 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/recz-na-kn-gelasimov-andrej-rahil-roman-s-klejiami-m-2004.html> (дата обращения: 13.09.2019)
10. **Японские боги и мифы.** М.: Арт-Родник, 2004. 64 с.

**GENRE MARKERS OF A DISASTER NOVEL
IN THE PROSE BY ANDREY GELASIMOV AND SAKYO KOMATSU**

Zhelobtsova Svetlana Fedorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Barashkova Svetlana Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
beta-sigma-no@mail.ru

The relevance of the study lies in the challenges that literary criticism faced at the turn of the XX-XXI centuries involving broadening the cultural dialogue of Russia and the Pacific Asian countries. The research objective involves identifying genre markers in the poetics of the disaster novels “Cold” and “Death of a Dragon”. The researchers’ attention is focused on the following issues: the history of the novels, the means to express the author’s individuality in Andrey Gelasimov’s and Sakyō Komatsu’s works, traditional and innovative approaches to the genre interpretation. The paper identifies specific markers, common and peculiar for each of the writers in the interpretation of mythological, autobiographical, toponymic, metaphysical genre dominants.

Key words and phrases: poetics; autobiographical nature; disaster novel; genre markers; style; tradition; toponymic content; A. Gelasimov; Sakyō Komatsu; post-apocalyptic literature.

УДК 82.08

Дата поступления рукописи: 08.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.5>

В статье прослеживаются религиозно-философские искания Иннокентия Анненского, поэта порубежной эпохи конца XIX – начала XX в.; рассматривается эволюция творческого пути поэта, который характеризуется антиномиями отрицания и утверждения, к истинам христианской сотериологии и эсхатологии; показаны этапы поэтического пути, где идеи смерти и бессмертия перекликаются в едином векторе движения; выявлен контекст общего духовного настроения эпохи переходного периода, в котором преобладало тяготение к справедливости и к Прекрасному как эстетической категории, способствующей возрождению и освобождению человека.

Ключевые слова и фразы: И. Анненский; рубеж веков; Серебряный век; поэтическое слово; идеи смерти и бессмертия; христианская сотериология; эсхатология.

Заяц Михаил Сергеевич

Российский университет дружбы народов, г. Москва
smz67@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО
КАК ТЕЗА И АНТИТЕЗА ХРИСТИАНСКОЙ СОТЕРИОЛОГИИ**

Поэзия Иннокентия Анненского является знаковой для литературы Серебряного века, привлекает многих исследователей, в связи с чем обращение к его творчеству представляется **актуальным** и объясняется необходимостью прояснения эволюции религиозно-философских исканий художника переходного периода от либерального

позитивизма, мистически-морального возбуждения и пессимизма к христианскому эллинизму, краеугольным камнем которого является сотериология. Это, на наш взгляд, принципиально важно для понимания порубежной эпохи, когда формировалось религиозно-философское, мифопоэтическое сознание новой литературы.

Цель нашей работы – показать эволюцию творчества русского поэта и филолога переходного периода конца XIX – начала XX в.; выявить религиозно-философские взгляды И. Анненского в контексте христианской сотериологии; показать особенности поэтического и духовного мировоззрения художника. Цель определила **задачи** исследования: на материале поэтических текстов и записей Анненского выявить оригинальность поэтического и философского мышления художника переходного периода порубежной эпохи; дать анализ художественных текстов поэта, обозначив духовные антиномии, свойственные художественному творчеству Анненского, продемонстрировать связь религиозно-философских исканий поэта с реальностью христианской сотериологии и эсхатологии, где происходит приобщение к Прекрасному.

В статье предложен новый взгляд на религиозно-философские искания Анненского в контексте порубежной эпохи конца XIX – начала XX века. Впервые осмысливаются его философские искания, эволюция поэтического и мифобиблейского мышления, происходящие на стыке реализма и модернистских течений порубежной эпохи.

Религиозно-философские искания поэта эпохи Серебряного века представляются очевидными для современного исследователя. Это было время поисков положительного идеала, когда позитивизм и христианская эсхатология переплетали друг друга в сознании одного и того же поэта или философа. Достаточно вспомнить эволюцию русских философов конца XIX столетия – от легального марксизма к философии христианства (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, В. Эрн и др.).

Иннокентий Анненский – поэт переходного периода. М. Волошин называл Анненского, которого знал лично, «звездой с переменным светом» [3, с. 521]. Творческое сознание Анненского отражало духовные изменения, происходившие в русском сознании второй половины XIX века. Произведения Льва Толстого и Федора Достоевского безжалостно показывали эволюцию русского интеллигента, характерный для него нигилизм и христианство (Раскольников), вульгарный материализм (Свидригайлов, Лужин), атеизм и религиозный мистицизм (Андрей Болконский и Пьер Безухов). Либерализм и нигилизм тургеневских героев проживались русским интеллектуальным сознанием, создавая смесь консерватизма и революционного демократизма в одном человеческом типе. Таким типом можно считать «звезду Серебряного века на поэтическом небосклоне», и имя ей – Иннокентий Анненский. «Ее лучи достигали неожиданно, снопами разных цветов, то, разгораясь, то совсем погасая, путая наблюдателя, который не отдавал себе отчета в том, что они идут от одного и того же источника. И надо отдать справедливость, что у Иннокентия Федоровича были данные для того, чтобы сбить с толку и окончательно запутать каждого, кто не знал его лично» [Там же].

Безусловно, Анненский – личность многогранная. Он известен не только как поэт, но и как критик, переводчик, знаток античной и французской культуры. Поэтому говорить о личности, вероятно, стоит в совокупности всего ее дарования. Как всякий гений, Анненский своим творчеством замыкал время в самом себе, и все противоречия этого времени отражались в его «сердечном» знании. Его творчество – исповедь чувствующей натуры, которая трепещет перед ужасным финалом, и этот финал – смерть.

*Под гулы меди гробовой
Творился перенос,
И жутко задран, восковой
Глядел из гроба нос.
Дыханья, что ли, он хотел –
Туда, в пустую грудь?
Последний снег был темно-бел,
И тяжеск рыхлый путь.
И только изморозь мутна
На тление лилась,
Да тупо черная весна
Глядела в студень глаз –
С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленелых лип...
А там – по мертвенным полям
С разбухших крыльев птиц...
О люди! Тяжеск жизни след
По рытвинам путей,
Но ничего печальней нет,
Как встреча двух смертей [2, с. 167]...
(«Черная весна»)*

Смерть преследует поэта. Это было связано не только с его болезненным состоянием, но и тем общим духовным «поветрием», в котором пребывало русское общество. «Крейцеров соната» и «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого будоражили творческое сознание каждого мыслящего человека, а особенно если этот человек – педагог, философ и поэт. Это было время, когда остро встал вопрос не только о смысле жизни, но о финальной

стадии нашего бытия. Вопросы, решенные христианским учением, казались неразрешимы. Учение о спасении человеческого естества подвергалось тщательной ревизии. Искупление человека жертвой Христовой интеллектуальной элите представлялось нелепостью или мифом, в котором только часть правды, но не вся истина.

Очевидно, что Анненский в духе времени отдавал дань позитивизму. Его творческое естество желало жизни, воплощенной в каждую деталь природы, поэтому смерть его естество не может принять, фокусируя внимание на разных ликах природы, где явственно трупное разложение. Картина той же «Черной весны» демонстрирует отчаянное состояние души поэта. В антиномии *черной весны* кроется победительная сила смерти, двух смертей. С одной стороны, торжество смерти выступает как антитеза христианской сотериологии, но с другой – Анненский, изображая мрачную картину, таким образом, мысленно предлагает нам картину света. Подобно псалмопевцу Давиду, он спускает читателя в ад, где все равно есть Божественный свет. Св. Дионисий Ареопагит говорит о Божественном мраке как важнейшем свойстве бытия как такового. Диаметральная противоположность свету иной раз ближе к источнику света, чем сам свет. Библейская история предлагает нам интересный факт: Иаков борется с ангелом Божьим в ночи и не отвергнул Им, но становится началом богоизбранного народа.

Общеизвестно, что сотериология – это слово об искуплении. Ключевым понятием здесь является **слово**. Сразу вспоминается евангельское слово св. Иоанна, утверждающего Божественную сущность слова.

Анненский чужд заоблачного восприятия действительности, он – поэт видимого мира. Он не приемлет поэзию, наполненную «тяжелыми, пошлыми мифологическими метафорами, ставшими условными формами» [1, с. 62]. И в этом кроется теза христианской сотериологии. Показывая разлагающуюся природу, поэт указывает на ее смертность, но слово об искуплении является и словом о воскресении. Христианская философия ясно говорит, что произойдет восстание природы, как и воскресение человека, в материальном виде. Когда-то Тертуллиан, учитель Церкви третьего века, утверждал, что христиане были большие материалисты, нежели философы античной Эллады. Христос воскрес зримо и явственно, как и Лазарь был воскрешен на четвертый день после своей смерти явно, а не в каком-то мистическом бреде. И в этом воскресении человек сохраняет свою личность, становясь новой реальностью бытия. В этой реальности нет смерти, разрушительной и уничтожающей. Поэтому творчество поэта вне ее границ. Его творчество там, где мир «кажется справедливым и прекрасным» [Там же, с. 64].

Таким образом, смерть есть противоположность жизни, и любое живое существо тяготится ее присутствием. Наверно, поэтому художник пытается уловить мгновения природы, запечатлеть их словом, которое бессмертно по своей Божественной сущности. И эта сущность здесь и сейчас, в видимом мире. Максимилиан Волошин писал: «Он не хотел “выдумывать себя” и свое земное “я” противопоставлял сурово и свободно божественной своей сущности, становясь на диаметрально противоположную точку самоутверждения, чем требования: “Твори самого себя в возможном”, “Верой уходи в несозданное”. Для него слово оставалось сурово БУДНИЧНЫМ, потому что он не хотел сделать его именем, т.е. одухотворить его призывной, заклинаящей силой» [3, с. 523].

Творческая мысль художника избегает намеков и полутонов, присущих символистской поэтике. Слово Анненского должно было быть зримой и осязаемой силой, способной победить смерть, которая есть мировое зло, побеждаемое состраданием и сочувствием. Об этом свидетельствуют и воспоминания П. Митрофанова, близко знавшего поэта: «Чтобы не погибнуть и иметь возможность жить, т.е. думать и чувствовать, необходимо другое – сострадание к человеку, мука за брата своего. Анненский исповедовал эту мысль тайно в кругу друзей и явно в своих произведениях. Он выработал себе по этому поводу целую мистическую теорию: мир заключает в себе лишь известную сумму зла, и страдающие должны радоваться, если свалится на них лихая беда или лютая болезнь, они тем облегчают бытие всего человечества» [8, с. 287].

Можно смело говорить о христианских принципах жизни, присущих духовному миру поэта. Обратим внимание, что сострадательное и сочувственное слово рождается в эпоху пессимизма и декаданса [6, с. 125], в которую входила лирика «звезды с переменным светом». Об этом времени поэт скажет в стихотворении «Два паруса лодки одной»:

*Нависнет ли пламенный зной
Иль, пенясь, расходятся волны,
Два паруса лодки одной,
Одним и дыханьем мы полны.*

*Нам буря желанья слила,
Мы свиты безумными снами,
Но молча судьба между нами
Черту навсегда провела.*

*И в ночи беззвездного юга,
Когда так привольно-темно,
Сгорая, коснуться друг друга
Одним парусам не дано [2, с. 98]...*
(«Два паруса лодки одной»)

Но поэт побеждает словом, которое ценно само по себе. Важной представляется красота поэтического слова, способная наше сознание вместить в архитектуру стихотворения, в стройном здании которого происходит обретение гармонических сочетаний звуков и форм.

Таким образом, можно говорить о нетленной красоте поэтического слова. Слово становится ликом, способным познать все формы бытия. В какой-то степени это придает слову Божественные свойства. Вспомним, что нетленным ликом обладает **образ** Нерукотворного Спаса, который вечен по существу, как и Слово. Поэтому с такой любовью он будет заниматься французской литературой, переводить поэтов – «парнасцев и проклятых» – Ш. Бодлера, Ш. Леконта де Лиля, П. Верлена, С. Прудома, А. Рембо, С. Малларме, Ш. Кро, М. Роллина, Т. Корбьера, Ф. Жамма. Искупительная сила слова делает мир бессмертным, а значит, способным к *творческому преображению*. Но Анненский устремляет читателя не к загадочным тайнам бытия, но к ясному пониманию своего места в мироздании. Не надуманное мифотворчество, обманывающее чувствующую натуру, но реальное бытие. Быть реалистом в такой ситуации означало быть героем не только словесного творчества, но героем непростой порубежной эпохи. Показательно, что Сергей Городецкий считал Иннокентия Анненского поэтом, взорвавшим мифотворчество символистов. «Наверное, “Кипарисовый лагерь” откроет нам новые изломы формотворчества...» [5, с. 57].

Вошедший в русскую поэзию в 1904 году Иннокентий Анненский, можно смело сказать, «развоплощал» слово символистов ради «прекрасной ясности» (выражение Осипа Мандельштама) [7, с. 225]. И в этом было утверждение искупительности реального и животворного слова. Это был подвиг художника. По большому счету он выступал против признанных мэтров русской поэзии в лице В. Брюсова, К. Бальмонта и др. представителей символистской поэзии. Л. Гинзбург отмечала: «Постсимволистской поэзии понадобился тогда Анненский с его психологизмом и новым пониманием позиции поэта, когда потребовалось преодолеть символистское развещствление» [4, с. 342]. Творческая философия Анненского неотделима от поэтического слова, и это слово, связующая цепь времен, тип «филологии воинствующей» [7, с. 252]. Т.е. слово спасает и побеждает. В этой связи показательно мнение В. Мусатова, утверждающего, что Анненский, выработав особую позицию творческой личности, воплотил в своей лирике и особый принцип героического и «намечил пути развенчания романтической оппозиции по отношению к истории» [9, с. 187].

Христианская философия настороженно относится к романтическому идеалу, и Анненский ближе к христианскому пониманию действительности, чем к символизму и романтизму. Надо признать, что очевидность идеала поэт увидел еще в античном искусстве, где героическое начало выполняло основную функцию человека, создавало жизнь согласно внутреннему, сердечному движению, которое, по слову поэта, вложено в нас Создателем. Вспоминаются слова Тертуллиана, что «душа – христианка по природе». Вот что писал сам Анненский: «В последнее время наши стихотворцы и беллетристы все чаще обращаются к сюжетам классическим – переводят античных поэтов и подражают им. Не говоря о последней эпохе в деятельности Фета, как уже законченной, мы встречаем заново одетыми в русские ямбы и Ипполита, и Антигону, и даже Прометея» [1, с. 61]. Объяснение, видимо, кроется в желании совершенствовать формы жизни, формы стиха в традициях античного мифа. Известно, что миф для древнего эллина представлял собой абсолютную реальность. В этой абсолютной реальности происходило узнавание человеческого и божественного ликов. Взаимодействие двух фактически равнозначных реальностей приводило человеку к катарсису, к преобразению природы и человека. Это было свойственно эпохе, которую Г. Флоровский называл эпохой «острого религиозно-моралистического возбуждения» [10, с. 450].

Но Анненский преодолевал возбужденное состояние глубоким художественным самоанализом, осмыслением антиномий природы (хотя еще в начале своего творческого пути отдал дань религиозному морализму в поэме «Магдалина»). Но сам поэт не окунается в мир природы, он ее наблюдатель. М. Волошин писал: «Он был филолог, потому что любил произрастания человеческого слова: нового настолько же, как старого. Он наслаждался построением фразы современного поэта, как старым вином классиков; он взвешивал ее, пробовал на вкус, прислушивался к перезвону звуков и к интонациям ударений, точно это был тысячетный текст, тайну которого надо было разгадать. Он любил идею, потому что она говорит о человеке. Но в механизме фразы таились для него еще более внятные откровения об ее авторе. Ничто не могло укрыться в этой области от его изошренного уха, от его ясно видящей наблюдательности» [3, с. 524].

В этом наблюдении обнаруживается то, что сближает его с христианским богословием, – **непостижимость поэтического слова**, что ясно отражено в программном стихотворении «Поэзия»:

*Над высью пламенной Синая
Любить туман Её лучей,
Молиться Ей, Её не зная,
Тем безнадежно горячей.*

*Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И словословие жреца,*

*Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаянье святых,
Искать следов Её сандалий
Между заносами пустынь [2, с. 128].*

Поэт отправляется в путь, где произойдет обретение Истины, но это обретение мучительное и в то же время сладостное. Тема пути характерна для христианской сотериологии и эсхатологии. В пути наблюдается антиномичность сознания и познания бытия. «Между заносами пустынь» художник вычерчивает поэтическое слово,

живое формотворчество, предлагая идущим за ним опираться на нравственную философию христианского эллинизма, где Божественная Красота реального слова является одухотворенной реальностью, нетленным веществом, не способным к разложению. Это тяготение к Божественной реальности для поэта представляется естественным и объективным движением этического и эстетического начала в человеке, движение к тому, что вызывает симпатию, которая для Анненского выступала синонимом Прекрасного. И это Прекрасное служит сближению и оправданию человеческого естества. Но путь к совершенству сопряжен с жертвенностью. Способность к жертве не обезличивает человека, но творит новую личность, которая неуничтожима, подобно Меланиппе, воскресает, как Лазарь из гроба, творит новую жизнь, как Христос на пасхальной Заутрене.

Таким образом, религиозно-философские искания И. Ф. Анненского, имеющие в своей основе антиномичность сознания, претерпевали творческую эволюцию, в которой как утверждалась, так и отрицалась христианская сотериология. Отрицалась основной тематикой творчества – идеей смерти, утверждалась – самоценностью и нетленностью божественного слова, которое спасительно, по сути.

Список источников

1. **Анненский И. Ф.** «Илиада» Гомера в переводе Н. Минского // Филологическое обозрение. 1896. Т. XI. Кн. 2. С. 58-66.
2. **Анненский И. Ф.** Стихотворения и трагедии. Л.: Наука, 1990. 367 с.
3. **Волошин М. А.** Лирика творчества / изд. подгот. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров; вступ. ст. С. Наровчатова. Л.: Наука, 1988. 848 с.
4. **Гинзбург Л. Я.** О лирике. М.: Интрада, 1997. 414 с.
5. **Городецкий С.** Формотворчество // Золотое Руно. 1909. № 10. С. 56-57.
6. **Каминский С.** Пессимизм как философская доктрина // Наблюдатель. 1885. Ноябрь. С. 124-125.
7. **Мандельштам О.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Терра – Terra, 1991. Т. 2. 316 с.
8. **Митрофанов П. П.** Иннокентий Анненский // Русская литература XX века. 1890-1910: в 2-х т. / под ред. С. А. Венгерова. М.: Изд-е т-ва «Мир», 1915. Т. 2. 472 с.
9. **Мусатов В. В.** Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Азбуковник, 2016. 720 с.
10. **Флоровский Г.** Пути русского богословия. Вильнюс: Паломник, 1991. 601 с.

**INNOKENTY ANNENSKY'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL SEARCH
AS A THESIS AND ANTITHESIS OF CHRISTIAN SOTERIOLOGY**

Zayats Mikhail Sergeevich

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
smz67@mail.ru*

The article analyses the religious and philosophical search of Innokenty Annensky, the Russian poet of the turn of the XIX-XX centuries. The researcher traces the evolution of the poet's spiritual world, filled with antinomies of denial and affirmation, to the truths of the Christian soteriology and eschatology; describes the stages of the poet's creative path, where the conceptions of death and immortality overlap into a single vector. The paper reveals the general spiritual atmosphere of the transitional epoch characterized by aspiration for justice and Beauty as an aesthetic category that promotes revival and liberation of a human being.

Key words and phrases: I. Annensky; turn of the centuries; Silver Age; poetical word; conceptions of death and immortality; Christian soteriology; eschatology.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 04.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.6>

Статья представляет собой анализ поэтики пьес А. Н. Островского, действие которых разворачивается в художественном пространстве двух вымышленных волжских городов – в Калинове и Бряхимове. Волжские пьесы А. Н. Островского рассмотрены не столь подробно, как московские. Тем не менее изучение пространства пьес, действие которых происходит в вымышленных городах на Волге, а именно: «Гроза» (1859), «Горячее сердце» (1869), «Лес» (1870), «Бесприданница» (1879), «Таланты и поклонники» (1881), «Красавец мужчина» (1882), – нам представляется принципиальным, поскольку творчество А. Н. Островского формирует ядро Волжского текста. Настоящее исследование углубляет и расширяет современную концепцию локального текста в ее частной презентации – Волжский текст.

Ключевые слова и фразы: А. Н. Островский; драматургия; пьеса; Калинов; Бряхимов; образ города; Волжский текст.

Красникова Олеся Николаевна

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
oln.krasnikova@gmail.com*

КАЛИНОВ И БРЯХИМОВ: ВОЛЖСКИЕ ГОРОДА, СОЗДАННЫЕ А. Н. ОСТРОВСКИМ

Современное литературоведение большое внимание уделяет концепции локального текста, что неразрывно связано с новым подходом к изучению пространства и его текстуализации. Драматургия А. Н. Островского